

Только после неудачной демонстрации 20 июня и последовавшей за ней реакции, после безрассудного поступка Лафайета, явившегося в Париж и предложившего свое войско для роялистского переворота; только после того, как немцы решились идти на Париж с целью «освободить короля и наказать якобинцев» и двор деятельно занялся военными приготовлениями к битве против населения Парижа, - только после всего этого революционные «вожди общественного мнения» решились обратиться к народу, призывая его к тому, чтобы нанести Тюильрийскому дворцу окончательный удар.

Раз это было решено, все остальное уже было сделано самим народом.

Нет сомнения, что между Дантоном, Робеспьером, Маратом, Робером, Шометтом (Лустало умер при получении известий о бойне в Нанси) и некоторыми другими состоялось предварительное соглашение. Робеспьеру все было ненавистно в Марате: и его революционный пыл, который Робеспьер считал преувеличением, и его ненависть к богатым, и его абсолютное недоверие к политикам - все вплоть до бедной и грязной одежды этого человека, который с самого начала революции стал питаться, как питался народ, - хлебом и водой, чтобы целиком отдаться народному делу. Несмотря на это, изящный и корректный Робеспьер, а также и Дантон пришли к Марату и его товарищам - к людям из секций, из Коммуны, чтобы сговориться с ними насчет того, как еще раз поднять народ по примеру 14 июля, на этот раз для окончательного нападения на королевскую власть. Они поняли, наконец, что если временное положение будет продолжаться, революция погибнет, не закрепив ничего из своих дел.

Либо обратиться к народу - и тогда предоставить ему полную свободу раздвигаться, как он знает, со своими врагами и оказывать на богатых какое он сможет оказать давление, чтобы обложить и обрезать их собственность. Или же королевская власть восторжествует в борьбе - и тогда это будет победой контрреволюции и уничтожением всего, что только было сделано в направлении равенства. В таком случае белый террор 1794 г., т. е. истребление революционеров, начался бы уже в 1792 г., раньше, чем революция закрепила свои завоевания.

Итак, между некоторыми крайними якобинцами (они даже заседали в отдельном помещении), между кордельерами и людьми из народа, которые хотели нанести Тюильрийскому дворцу решительный удар, состоялось соглашение. Но раз это было сделано, раз «вожди общественного мнения» обещали более не противиться народному движению, а наоборот, решили поддержать его, все остальное было предоставлено народу, который понимал лучше, чем партийные вожди, необходимость предварительного соглашения в момент, когда революции предстояло сделать решительный шаг.

Раз установилось такое соглашение и выяснилась общность одной идеи, Великий неизвестный - народ принялся за подготовку восстания и самостоятельно создал ввиду потребностей минуты род организации по секциям, признанной нужной для придания движению необходимой связности. Подробности были предоставлены организаторскому духу самого населения предместий; и когда 10 августа солнце всходило над Парижем, никто не мог бы предсказать, чем кончится этот знаменитый день. В обоих батальонах федератов, явившихся из Марселя и Бреста, хорошо организованных и вооруженных, насчитывалось не больше тысячи человек, и никто, кроме тех, кто работал в предыдущие дни и ночи в раскаленной атмосфере предместий, не мог бы сказать, поднимается ли масса населения этих предместий или нет.

«Где же были обычные вожаки? Что они делали? - спрашивает Луи Блан, этот обожатель Робеспьера, и отвечает: Ничто не указывает на то, какова была в эту решающую ночь роль Робеспьера и играл ли он какую-нибудь роль». Дантон тоже, по-видимому, не принимал деятельного участия ни в подготовке восстания, ни в самой битве 10 августа¹.

Понятно, что раз движение было решено, народ уже больше не нуждался в политических руководителях. Теперь нужно было запастись оружием, раздавать его тем, кто сумеет владеть им, организовать ядро надежных бойцов внутри каждого батальона, образовать колонны во всех улицах предместий. В этом политические вожаки могли только мешать. Вот почему в ночь с 9 на 10 августа, когда

¹ Некоторые французские историки революции стараются теперь выставить Дантона как одного из главных организаторов восстания 10 августа. Но это не подтверждается ни прежними, ни новейшими исследованиями. Роль Дантона истинно была громадна в поднятии духа французского народа, в его гигантской борьбе с королями Европы, соединившимися против революции под руководством Австрии и Пруссии при поддержке Англии. Точно так же роль Дантона, как личная, так и через Клуб кордельеров, равно как и роль Марата, была очень велика для *организации революционного самоуправления городов в их «отделах» и секциях*; можно смело сказать также, что восстание 10 августа не было бы так успешно, если бы Дантон не поддержал силой своего громадного авторитета подготовку к этому восстанию; но выставять его душой этого восстания или приготовлений к нему — для этого нет основания.